

СЕРГЕЙ ДАВИДОВ

ЛЮБЛЮ РЯБИНИНА

Одноактная пьеса

Действующие лица

Андрей Рябинин, за сорок лет.

Марина, за сорок лет.

Вадим, двадцать лет.

Инга, двадцать лет.

Ляля, двадцать лет.

Друг, за сорок лет.

Багров, сорок лет.

Матвеев, пятьдесят пять лет.

Диспетчер.

Вахтерша, которая не хочет уходить на пенсию.

Голоса:

Катя.

Солдат.

Действие происходит в начале 70-х годов.

Минутное затемнение, и на заднике сквозь тьму видны цифры: 1941... Вой сирен, разрывы снарядов, уханье зенитных орудий. И отчаянный стук в дверь.

Голос Марины. Андрей! Ря-би-нин! Да открой же!
Голос Рябинина (*из-за двери*). Сейчас, Катюша... сейчас... (*Холодно.*) Марина... ну чего тебе?

Голос Марины. Ты Катю ждал? Конечно... Но она в Ташкент уезжает, твоя Катя!

Голос Рябинина. Ну, значит, так надо... А ты чего пришла? Некогда мне. Пока. В Ташкент, значит?..

Голос Марины (*чуть не плача*). Из школы меня прислали. Учиться все же будем. В бомбоубежище.

Голос Рябинина. Учитесь! А я тут при чем?

Голос Марины. Ты? А как же твой север, твои рыбы? Без десятилетки в полярники нельзя!

Голос Рябинина. Ночью я на фронт ухожу. В трех

военкоматах отказали... Ничего! Дорога на фронт одна!
Голос Марины. Можно, я тебя провожу? Ну, хоть до Лиговки?

Голос Рябинина (*жестко*). Ты? Да нет, не надо... (*Мягче*.) Это же ночью.

Голос Марины. Разбудить тебя? Ты же спишь всегда крепко. А я будильник поставлю. Мне нетрудно. Два этажа спуститься. А? (*Горько*.) Ну, хочешь я Кате скажу...

Голос Андрея. Катюше... Сейчас не надо. А полярником я все равно буду. Ты за меня не волнуйся!

Хлопает дверь.

Голос Марины (*барабаня в дверь*). Андрей! Ты можешь и через двадцать лет... Я тебя никогда... Ты слышишь? И через двадцать лет!..

Зенитки, сирены, разрывы смолкают. Хлопанье дверей, шум с улицы. Свет. Проходная большого завода, где, как на капитанском мостике, висится темпераментная вахтерша, знающая всех на заводе.

Вахтерша. Пропуск! Разверните пропуск! Про-опуск!

Дверь хлопнула, будто выстрелила.

Матвеев. Правильно, тетя Лиза. Я на войне тяжелый танк водил! (*«Стреляет» и второй дверью.*)

Вахтерша. На войне! Видали? Война, будь она проклята, в сорок пятом кончилась. А теперь какой?.. Пропуск! Чудакова... Ой, погоди, где сумку покупала? Ишь, будто не слышит. Третий раз замужем, а посмотреть не на что. (*С завистью.*) Три раза за просто так не возьмут... Магнит, видно, в ней есть.

В проходную с улицы заходят Ляля и Инга.

Ляля (*хорошо одета, кажется старше своих лет*). Инга! Куда ты мчишься? Я свалюсь с ног, если сделаю еще шаг. Для чего я приехала из Ташкента? Весь день водишь меня по заводам, а Рябинина нет и нет!

Инга (*одета проще, красивее*). Не хнычь. Кажется, пришли. Больше заводов в Гавани нет. Пойдем спросим у той тетеньки.

Ляля (*быстро*). Нет-нет... Спасибо. Ты меня привела. А теперь не ходи за мной.

Инга. Что? Лялька, ты что, а?

Ляля. Это касается меня, вернее, моей мамы. Разве не правда? Что ты на меня так смотришь?

Инга. Ладно. Дело твое. Я подожду на улице... и впрямь, Рябинин имеет отношение к тете Кате, а не ко мне! *(Выходит.)*

Ляля *(подходит к вахтерше)*. Здравствуйте.

Вахтерша. Привет. Тебе чего, милая?

Ляля. Видите ли, мне нужен... директор завода...

Вахтерша. А-а-а...

Ляля. Не подскажите, как его найти?

Вахтерша. А... подскажу, как же! Позвоню сейчас, так, мол, и так, Василь Васильич, живо в проходную!

Ляля. Василий Васильевич? Нет. Тогда позовите конструктора или главного инженера...

В проходную входит Вадим. Улыбается вахтерше — старой знакомой.

Вадим. У тети Лизы маркизетовая кофта, такой завидуют Васильевский и Охта...

Вахтерша. Опять сочинил! Откуда ты видишь, какая у меня кофта под курткой? Лучше бы сочинил мне такой агрегат: нажал кнопку — здравствуйте, товарищ директор, еще нажал — Вадима Трофимова в проходной ждет знакомая девушка...

Вадим. Ах, тетя Лиза! Нет у меня девушки. Два раза в месяц ждет меня с зарплатой моя тетя. Два раза в месяц она требует повышать ее культурный уровень. Сегодня идем на орган. Тетя говорит, что органная музыка снова в моде!

Ляля. Послушайте...

Вадим. Ого! А я и не заметил. Не хотите ли вы вместо тети пойти со мной...

Вахтерша. Постой, не балагурь. Девушке нужен главный конструктор или инженер... главный.

Ляля. Ну да, Рябинин. Андрей Георгиевич.

Вадим. Рябинин?..

Вахтерша. Кто же не знает Рябинина? Вон у меня там ворота железные. Раньше, как машина загудит, беги их, дьяволов, растаскивай. А теперь — пульт управления. Жму кнопку, и все. Рябинин соорудил.

Вадим. Зачем вам Рябинин? Вы его лично знаете?

Ляля. Нет. Он мамин... *(Запнулась.)* Из одного класса они. Я из Ташкента приехала.

Вадим. Сейчас! Мы же с ним на одном станке работаем! *(Убегает.)*

Ляля (*изумленно*). На станке? Кто на станке работает?

Вахтерша (*с гордостью*). Их токарный станок даже я знаю! Двадцать пять лет на нем Рябинин... Девушка, вы куда?

Ляля (*пятясь к дверям*). Нет-нет. Это не тот Рябинин! (*Хлопает дверью.*)

Вахтерша. Как не тот? Да вот же он бежит, Рябинин.

Рябинин. Кто тут по мою душу, а? (*Весело.*) Куда спрятали девушку?

Вахтерша. «Спрятали!» Сбежала... Голос тоненький. Платье богатое... Из Ташкента сама.

Рябинин (*очень расстроен*). Ушла так ушла... Как странно.

Вахтерша. Может, придет еще.

Рябинин (*пишет в блокноте, выдирает листок*). Если придет, вот мой телефон. Передайте. Только пусть звонит в понедельник. Я на два дня в лес. Первый раз за все лето.

Затемнение.

Пригорок неподалеку от шоссе. То и дело слышны моторы машин...

Рябинин и Багров сидят на траве.

Багров. Сейчас Виктор подъедет, и рванем... Андрей, слышь, говорят, ты на север собрался? Найди мне там тоже местечко. Говорят, друг у тебя там — начальничек-ключик-чайничек? Туда бы, где коэффициент неслабый, а? Вызнай там, ладно? Сосед мой там был. Теперь всю мебель сменил. Важный ходит. Я его спрашиваю, дай адресок. Фига!..

Рябинин. Ты в детстве кем хотел быть?

Багров. Что-о? Да разве я помню! Хотя... (*Смеется.*) В зоопарке хотел работать. За носорогами ухаживать мечтал. Но где же Виктор? Ехать пора.

Рябинин. Видишь ли, я на север еду... Мне в детстве несправедливым казалось, что рыбы там гибнут после нереста.

Багров. А люди чего смотрят? Бери ее, знай! Бесхозяйственность!

Рябинин. Дохлую? Да и тощая она. Ослабшая.

Багров (*не может успокоиться*). Неужели вся плохая? Выбирать надо лучше! Кета, ведь не ерш сопливый!

Рябинин. Тогда мне казалось, что я смогу чем-то помочь. Теперь ясно. Закон природы. Но север...

Багров. Да ладно тебе. «Романтика»... Конечно, подыщешь местечко и... Но как же тут без тебя начальство будет? Знатный токарь. В газетах пишут. По телевизору выступаешь... Опять же — наставник. Я вот учеников никогда не беру и брать не буду. Тяпнет ученик по пальцу сдуру, а тебя таскать. Прогрессивка долой! Тридцатку за обучение дадут, а мороки!

Рябинин. Да я на своего Вадьку станок могу оставить!

Багров (*качает головой*). Твой Вадька! Да, он по части техники малость треснутый! Секретный замок без ключа открыл. У машин, знай, вертится. В мой «Заворожец» и то слазил. Вот разденет у кого-нибудь машину... Значит, ты в лесу первый раз?

Рябинин. Спасибо тебе. Я ведь и в прошлом году не был... Приедем — два дня не вылезу! Вот ведь сосны-то какие, а? Тут и брусничник, и черника. Дальше и ехать не надо.

Багров. Я места знаю. По плечи в грибах будем! (*Помолчав.*) На заводе говорят... полтинник тебе скоро, а все не женат...

Рябинин (*резко перебивая*). Поеду на север. Куплю мебель, как у твоего соседа, тогда сразу и женюсь. Передай всем!

Багров. Ладно тебе... Да, что я тебе про Вадьку-то говорил? А-а... Мы уходили, так он еще в цеху оставался. Парни его какие-то вчера на танцах помяли, так он кастет делает.

Рябинин. Что-о?! Вадька? Ерунда!

Багров. Проломит башку кастетом, будет тебе ерунда. Стой, ты куда?

Рябинин. Слушай, Толя, подбрось до развилки. Там я на рейсовый сяду, мигом в Ленинграде буду!

Багров. Да брось ты. Зря я сказал...

Рябинин. Я прошу! Ну?

Багров. Всю неделю грибки во сне вижу, капельки зеркальные на них. Нет, не проси. А как же с деньгами? Ты же мне пятерку на бензин дал. Лучше бы я кого другого взял. Ты же в лес уехал и ни за кого не отвечаешь. Стой, Рябина... Убежал...

Дома у Рябинина. Видно, что холостяцкая квартира. На стенах фотографии. Одну из них внимательно рассматривает Вадим.

Вадим. Андрей Георгиевич, а Андрей Георгиевич. Как у вас чисто! У меня везде разобранные приборы, приемники, утюги разные... Теткины старинные побрякушки валяются, чинить надо... Ну, извините, Андрей Георгиевич. Я же сломал кастет. Молотком разбил, как вы велели. *(Усмехается.)* Главное, сперва отшлифовать до блеска приказали, а потом ломай!..

Рябинин *(грустно)*. Вадька, человек не танк железный — его проломить легко. Чтобы больше никогда! Понял?

Вадим. Понял.

Рябинин. На эту тему все!

Вадим. Но я...

Рябинин. Все!

Вадим *(меняя тему)*. Тетка замучила, мало, мол, тебе платят!

Рябинин. Сколько стоишь, столько и платят. Плохо, когда получают больше, чем стоят. Чаю хочешь?

Вадим. Кому это плохо, когда много платят?

Рябинин. Нам всем. Стране. Ты говорил, что тебя в экспедицию зовут?

Вадим. Куда только не зовут! Одного приятеля встретишь: «Где работаешь?» — «На заводе». — «Вот дурак! Пошли плавать!» Другого встретишь — «Пошли в геологи»... А то еще зовут фигурное катание преподавать. В жилконторе. Приятель там третий год пенку снимает. Ха! Эдита Пьеха поет, детишки очень крепко за руки держатся — не падают, и ладошки! *(Стараясь отвлечь.)* А вы... токарем с детства хотели быть?

Рябинин *(опомнившись)*. Пей чай, бери пряники... О чем ты? А-а... Я хотел полярником быть. Но война, Вадька, война!.. И показалось мне, что нет ничего сильнее железа... Тогда я и решил пойти на завод.

Вадим. А-а... Чтобы быть сильнее его, да?

Рябинин. Так, Вадим! Если плавать — так быть сильнее моря, если летать — сильнее неба. Если на зимовке жить... Дай-ка ты мне адресок этого тренера. Ты не бойся, я жаловаться не пойду. Я поговорю с ним разок... Помужски. *(Усмехается.)* Но без кастета!

Вадим. Да я ж... ну, по молодости.

Рябинин. Ишь ты! По молодости! Был я как-то в горах, на кавказском пиру. Меня, как гостя, посадили среди белобородых стариков. А где-то в конце стола сидели юнцы, впервые приглашенные на пир. Тамада, самый старый

и весь в орденах, встал и произнес первый тост. За кого, думаешь?

Вадим. Ну конечно, за самого старого, заслуженного.

Рябинин. Вот-вот. Я тоже начал считать ордена, у кого больше. А тамада сказал: «За самого юного!» И объяснил: «По нашему обычаю, если придет враг, то первым садится на коня самый юный джигит. Вдруг он сложит голову в первом бою? Надо успеть за него выпить!»

Вадим (*перехватывая взгляд Рябинина*). Эта фотография на стене... я эту девушку видел... Точно. В проходной. Ну да! Это она и была. Из Ташкента. Там еще была одна девушка, на улице ждала, очень красивая.

Рябинин. Почему она ушла? Вызвала и ушла, а?

Вадим. Она сказала вахтерше, что ошиблась. Что ей нужен другой Рябинин.

Рябинин (*кивает на фотографию*). Похожа, ты сказал?

Вадим. Это она.

Рябинин. Это ее мать, Вадим. Ты Гавань хорошо знаешь?

Вадим. Как свою тетку!

Рябинин (*доверительно*). Зайди в один дом, я напишу записку. Марину спросишь... Марину Ивановну. (*Взволнованно.*) Спросишь, не приехал ли к ним кто из Ташкента. Записку передашь той девушке. И еще... постарайся, чтобы Марина не поняла, что ты от меня. Сумеешь?

Вадим. Я? Да я сейчас, еще ведь не поздно. И ответ успею принести.

Рябинин. Ответа не надо. Его и не будет... (*Печально усмехается.*) А... адресок того тренера все же мне дай!

У Марины Ивановны. Это уже утро следующего дня. Еще рано. Инга и Марина Ивановна спят на тахте. В комнате Инги спит Ляля. Очень уютная комната, но почему-то на полу и на столе разбросаны части домашних приборов. Невероятно громко, как сумасшедший, звенит будильник.

Марина Ивановна. Ах, разбойник! (*Выключает будильник, но он несколько раз звякает под рукой.*)

Инга (*спросонок*). Хулиганы, звонари, крокодилы.

Марина Ивановна. Инга! Выбирай слова!

Инга. Лучше бы я у девочек в общежитии спала! Что с будильником? Всегда дребезжал, а тут как сирена «скорой помощи»!

Марина Ивановна. Вчера вечером починили.

Инга. «Починили!» В Италии старье каждый новый год из окна на улицу! Раз, бац, дзынь!

Марина Ивановна. Очень старые вещи... Очень старые и в Италии не выбрасывают. И я благодарна вчерашнему молодому человеку. Починил наконец-то!

Инга. Еще бы! Ты сказала, конечно, что это единственная вещь в доме, пережившая с тобой блокаду... Постой! Какой еще молодой человек? Антон?

Марина Ивановна (*обиженно*). Да, сказала! Единственная уцелевшая вещь. На! Ну, раз, бац, дзынь!

Инга (*сразу другим тоном*). Ма-му-ля! Доб-рое ут-ро! Вот я и проснулась. Да не молчи же ты! Будит чуть свет! Я думала, Антон приходил. Антон — смешной ухажер, верно?

Марина Ивановна. Инга! Ухажер! Боже мой, как ты говоришь, девочка.

Инга (*с иронией*). Прости, пожалуйста. Я все забываю, что мамочка у меня филолог. «Ухажер» — неприлично. А ка-ак? «Страстный обожатель»? Или «поклонник»? А я мечтаю, чтобы он долго-долго уговаривал меня перейти на заочное, потом бы я тихонько от тебя сбежала с ним в тайгу...

Марина Ивановна. В тайгу? В какую еще тайгу?

Инга (*поет*). «А я еду, а я еду за туманом. За туманом и за запахом тайги...»

Марина Ивановна. Как это можно петь. «За запахом...» (*Пробует петь.*) За за... Нет!

Инга. Мамочка, дело не в том, удобно или неудобно петь. Главное, что есть люди, которые срываются и едут... (*Читает.*)

Домоседы, столицы жители,

Бухтарминское море видели?

А Лялька бы в тайгу не сбежала. (*Передразнивает.*) Ленинград, как можно жить без него... Белые ночи... Мосты подняты, как крышки роялей. Красота... Мамочка моя здесь первый раз любила.

Марина Ивановна. Инга, ты слишком прямолинейна.

Инга. Прямолинейна! Синонимы: искренна, прямодушна. Говорю все начистоту, положи руку на сердце... Кто приходил? Значит, не Антон?

Марина Ивановна. Нет. Какой-то молодой человек. Сказал, что хочет видеть Лялю.

Инга. Что-о? Лялю? Кто ее может здесь знать?

Марина Ивановна. Сидел, ждал вас. Будильник починил. Разобрал вот пылесос... Придет еще. Его Вадимом зовут.

Инга. А мы бродили... Белая ночь... Мальчишки с гитарами! Как ты пускаешь незнакомых, не понимаю! Больше не пускай!

Марина Ивановна. А пылесос? Он же разобрал до винтика!

Инга. Парень-то хоть красивый?

Марина Ивановна. Инга!

Инга. Как ты сказала? Вадим? Может, от Рябинина?

Марина Ивановна. От Рябинина?.. *(Долго молчит.)* Вы искали Рябинина? Зачем? *(Быстро.)* Нашли вы его? Видели? Он поседел? Сто лет его не видела...

Инга. И я его не видела. Довела Ляльку до проходной завода. А потом Лялочка сказала, что это их с мамулей личное дело. *(Передразнивает.)* «Хочу видеть первую любовь своей мамочки. Говорят, он такой необыкновенный. Он в четырнадцать лет на фронт ушел. Мамочка его всю жизнь не может забыть. Хочу посмотреть на него...» Я, может, тоже хотела посмотреть на необыкновенного, романтического, красивого. Так ей жалко стало!.. Проснулась.

Появляется Ляля.

Ляля. Доброе утро, тетя Марина. Вы чудесно выглядите. Инга, какая ты красивая!..

Инга *(перебивая)*. Ну, что там Рябинин? Вчера ты так и не сказала.

Ляля. Ленинград... Как можно было жить, не зная его... Белые ночи — очарование...

Инга. Да, да! Что Рябинин?

Ляля. Все необычно, необычно! Прелесть!

Марина Ивановна. Ты возбуждена, Лялочка!

Ляля. Люблю необычные вещи, необычных людей, поступки красивые...

Инга. Чудесно! Что Рябинин?

Ляля. Двадцать лет за станком. В углу цеха! Школьное увлечение... Иные от них до старости не могут отделаться.

Инга. О чем ты?

Марина Ивановна. О Рябинине? Вы это напрасно... Рябинин... вы не должны о нем плохо! Вы же совсем сго не знаете...

Инга. Мама! У тебя дрожат руки!

Марина Ивановна. Рябинин — безудержный фантазер, мечтатель... В четырнадцать лет он убежал на фронт... Потом вернулся в Ленинград. Родителей нет в живых, дом разбит... Я не знала, что он жив, что он в Ленинграде... А Катюша, мама твоя, узнала, хоть и была в Ташкенте.

Инга. Ты!.. Не знала... Ты?! Когда ты его видела?

Марина Ивановна. После войны он заходил иногда к нам. Ты маленькая была, не помнишь. Потом перестал приходить... Это не нравилось твоему отцу... А в войну... Я видела Андрея последний раз в сорок первом, у моста Лейтенанта Шмидта. Он ждал Катю, а пришла я...

Снова затемнение. Гул разрывов, завывание сирены.

Марина. Андрей, Андрей, где ты?

Рябинин. Катя! Я здесь.

Марина (тихо). Это я, Андрюша.

Рябинин. Ты? Опять? Ты передала Кате?

Марина. Ее не отпустили. Они собирают вещи, им некогда.

Рябинин. Собирают вещи?.. Неправда! Ты не передала!

Марина. Андрей!

Рябинин. Я не верю! Катя не могла... Ты специально на нее... Я не верю!

Марина (глотая слезы). Да, да.

Рябинин. Что?

Марина. Я не передала... Не успела.

Рябинин. Эх ты!

Марина. Она бы пришла... Она бы обязательно. Она тебе напишет... Вот только адрес...

Рябинин. Все ты нам испортила! Мне пора. Меня ребята ждут!

Марина. Андрей!

Рябинин. Да?

Марина. Ты мне напиши, а я ей адрес сообщу.

Рябинин. Спасибо! Ты уже сегодня сообщила. Ну, пока.

Марина. До свидания, Андрей.

Обрываются звуки войны. Свет.

Инга. Мама, но ты ведь была у Кати... У тети Кати. Ляля. Ну и что. Зато сразу после войны моя мама за

ним приехала. Она ехала в общих вагонах, но не в таких, как теперь.

Марина Ивановна. Да, их называли теплушками.

Ляля. Она ехала через всю страну... Я представляю, как мамочка искала его здесь, в Ленинграде, среди развалин... Искала и нашла! Свою первую любовь. И стала спасать. Повезла к солнцу. В Ташкент! А он...

Инга. А он?

Марина Ивановна. Сошел на полпути и вернулся в Ленинград.

Инга. Я бы тоже сошла.

Марина Ивановна. Я много раз о нем слышала по радио. Он... он теперь конструктор. Что-то он сделал, я плохо в этом разбираюсь.

Ляля. «Конструктор»! Сконструировал автоматические ворота! Я-то думала, он мне поможет перевестись в Ленинград! А... Ладно!..

Марина Ивановна. Что он сконструировал?

Ляля. Калитку! Которая открывается при помощи... Ерунда! Тетя Марина, вы меня проводите? Мне пора на вокзал.

Инга. Я хочу увидеть этого человека. Мне надо его увидеть! Я пойду на завод.

Ляля. Тетя Мариша, поехали прямо сейчас!

Марина Ивановна. Инга, не дури!

Ляля. Поехали, тетя Мариша, пожалуйста! Ну, Ин... Ингочка...

Инга. Мне мое имя нравится тем, что его плохо выговаривать уменьшительно! Счастливо, Лялька!

Хлопает дверь.

Я хочу видеть Рябинина. Ой, сколько вопросов у меня к нему!

Раздается звонок.

Что-нибудь забыли! (Открывает дверь.) Вам кого, молодой человек?

Вадим. Здравствуйте! Я второй раз прихожу. Специально пораньше. Мне Лялю из Ташкента...

Инга. Уже уехала!

Вадим. Странно. Совсем?

Инга. До свидания!

Вадим. Постойте. А пылесос! Я это сейчас могу.

Инга. Так это вы и есть?

Вадим. Это я и есть. Я бы и вчера мог сделать... Но подумал, что к нему можно еще что-нибудь присобачить. Ага! Соковыжималку!

Инга. Соковыжималку к пылесосу?.. Полный бред, как говорит наш Кокорин!

Вадим. Кокорин? Физик! Читал...

Инга. Читали Кокорина?! Читали? Вы что, может, Резерфорд?

Вадим. Нет, я Вадька.

Инга. А я Инга.

Вадим. Какой я Резерфорд? Сперва-то я на складе работал. Круглое катать, плоское кидать. Сто воесемьдесят рэ, между прочим! Тетушка моя на седьмом небе была. А потом... Ну меня и в экспедицию очень звали, и плавать еще как уговаривали... А тетя...

Инга. «За туманом и за запахом тайги»! Как в песне?

Вадим. Гитару вашу я вчера тоже наладил.

Инга. Ничего к ней «не присобачили»? (*Берет гитару, играет.*)

Вадим. Хорошая гитара. Испанский лад.

Инга. Разбираетесь! Ну, и что ваша тетя?

Вадим (*трагическим тоном*). Не надо о тете... Нервные клетки не восстанавливаются. Я ушел со склада. Редкая возможность представилась.

Инга (*иронически*). В космонавты позвали!

Вадим (*немного смешавшись*). Нет... К отличному мастеру в ученики. Непонятно? Как бы вам объяснить... Ага! В парикмахерской народу полно, а все к одному мастеру хотят. Понятно?

Инга (*явно скучая*). Сообразила. И что, гениальный мастер соблаговолил взять вас в ученики?

Вадим (*с обидой*). Смеетесь? А вот знаете, как Резерфорд подбирал себе помощников?

Инга. Ну, ну?

Вадим. Он давал какое-нибудь задание. И если ты с ним справился и пришел за другим заданием, Резерфорд приказывал тебя уволить! А меня бы не уволил!

Инга. Ого!

Вадим. Дал бы Резерфорд мне ваш пылесос! Я бы с ним возился, пока в автомобиль не переделал! Я всю жизнь любил железки развинчивать и смотреть, что внутри. Когда я к токарному станку встал, у меня глаза, как у зайца, разбежались. Столько всего! А Рябинин говорит...

Инга (*удивленно*). Рябинин?! Вы его ученик? Вы?!

Вадим. А чей же!

Инга. А-а... Вот почему мама вас задерживала! Так что говорит Рябинин?

Вадим. А почему вы так о нем? Небрежно?

Инга. Слушайте. А что... что, если ваш Рябинин... Ну, воевал, потом восстанавливал Ленинград. А потом? Двадцать лет на одном месте, да? А ведь на одном месте — легче?

Вадим. Ну, ну. Я слушаю.

Инга. Привычно! Деньги платят, видимо, неплохие. Работать можно с закрытыми глазами...

Вадим (*усмехаясь*). Там глаза не закроешь!

Инга. И это в наше-то время...

Вадим (*сердито*). Пылесос ваш в порядке. Привет!

Инга. Ага, злитесь. Я права, да?

Вадим. Кокорина вашего я уважаю. Мама — симпатичная женщина. Я ей на досуге будильник в холодильник переделаю!

Инга (*насмешливо*). А я несимпатичная, значит! Вот это я вас разозлила!

Вадим. Да! Я разозлился. Какое у вас право судить Рябинина?

Инга. А может, и есть право! Моя мама училась с Рябининым в одном классе!

Вадим. И все?

Инга. Пойдите!.. Потом мама вышла замуж. Родилась я. Но мама разошлась с отцом... Совсем недавно отец мне признался, что мама никогда его не любила... Она любила другого. Она любит его и сейчас. (*Помолчав.*) Это я знаю. (*Нервно.*) Но как же мне надо знать, что этот... «другой» — настоящий человек. Как я хочу с ним встретиться!

Вадим. Рябинин хотел быть полярником! А сколько было таких Рябининых! Они в сорок пятом на горло своей мечте наступили, а пошли туда, где были нужнее всего! Давайте пойдем сейчас по заводам. Их сразу узнаешь. Все они — мастера! Жизнь у них сложилась по-разному... (*Гордо.*) Но я их знаю! Это замечательные люди! Рабочий класс!..

Инга. Еще о Рябинине!

Вадим. «На одном месте двадцать лет»... Не летает, не плавает, а стоит за своим станком... Потому мы и можем свои красивые школьные мечты осуществлять, что они на этих местах стоят!.. А еще... Представьте себе та-

кой случай: какой-нибудь ученый сконструирует нечто уникальное, а на заводах этого не сумеют сделать. Так не бывает? А почему?! Когда ученый замышляет что-то, он рассчитывает на Рябининых. А я-то, дурачок, к нему сперва с этаким пижонством! Рассказать? Интересно ли это вам?

Инга. Да. Все, что касается Рябинина...

Вадим. Рубашка у меня была такая. Люкс, ковбойская. Джинсы с канадской биркой, ну и мокасины соответствующие. Тетка придела после армии. Показали мне этот самый станок в углу... А там, вижу, такой высокий дядя стоит, ко мне спиной.

Затемнение.

На авансцену выходит Вадим. Гул станков, визжание механической пилы, удары молота.

Вадим. А я к вам.

Рябинин. В чем дело?

Вадим. Так вот... К вам я! Олл райт!

Рябинин. Ну? Ого! Хорош!

Вадим. За наукой к вам. Поучите.

Рябинин. Чему? В домино играть? Вторая игра по уму!

Вадим. После чего?

Рябинин. После перетягивания каната.

Вадим. Так поучите меня.

Рябинин. Сколько баллов недобрал?

Вадим (смеявшись). А откуда вы... Конкурс как никогда! Тридцать человек на место.

Рябинин. Физику или математику завалил?

Вадим. Что вы? С этим у меня — о'кей! Иностраный.

Рябинин. На следующий год снова, если в армию не возьмут?

Вадим. Само собой! Только армию — уже отслужил. Мне двадцать.

Рябинин. Значит, год надо прокантоваться? Чему ж я тебя научу, если ты за десять лет в школе и в армии... Поищи другую работу!

Вадим. Вот направление. Из отдела кадров.

Рябинин. Передай им от меня: на склад пусть пошлют. Год и там прокантуешься. Будь здоров.

Вадим. Но я точить хочу. При чем тут склад?

Рябинин. Мечта со школьной скамейки?

Вадим. Петр Первый токарем был! Хочу, как он.

Рябинин. Ну вот... пойди пока на склад, станешь Петром Первым, приходи! Ходят тут... на год... на полгода! Сезонники!

Шум цеха обрывается.

Вадим. ...И пошел я на склад. Круглое катать, плоское отсюда-туда перекидывать. Тупая работенка! Если бы мозгами немного пораскинуть — технику можно было бы применить, а не держать на этом деле двадцать пять мужиков... Да я б и сам мог придумать что-нибудь! Но на меня вдруг какая-то апатия нашла... Ну, понимаете?.. Накатываю я как-то бухту на электрокару. Тяжеленная. Вдруг чувствую, кто-то помогает. Поглядел — Рябинин.

Рябинин и Вадим на авансцене:

Рябинин. Ну-ка вместе. Раз! Вот так. Упарился, Петр Первый?

Вадим (*тяжело дыша*). Нор-нормально. (*Гудит сигналом.*) Хорошо на складе работать. Голова как морской ветер — всегда свежая.

Рябинин. Не болит?

Вадим. Не-а. (*Гудит сигналом.*)

Рябинин. А у меня побаливает. Двое суток возились над этим станком, пока не отремонтировали...

Вадим. Сложный станок?

Рябинин. Заковыристый. Так, так... Значит, доволен? Хм... А это что ты к электрокаре приделал?

Вадим (*загораясь*). Хотел механизировать. Двадцать пять мужиков освободились бы.

Рябинин. Понимаю. И что?

Вадим (*вяло*). А ну... Сразу не получилось... Надоедо... Неохота...

Рябинин. Сюда бы редуктор не мешало, а?

Вадим (*безразлично*). Не знаю... (*Вскипая.*) Ладно вам. С чего это у вас такой интерес ко мне?

Рябинин. Не кричи! Злишься, что не принял тебя в прошлом году? Ты думаешь, токарем теперь просто быть?

Вадим. Совсем я так и не думал! А... а где этот станок, который вы отремонтировали?..

Рябинин. В Москве.

Вадим. В Москве-е? А вы туда как попали?

Рябинин. Как, как! В райком вызвали, помочь, говорят, надо москвичам. Ну и поехали мы с одним еще токарём. От Ленинграда.

Вадим. В прошлом году, когда мне в отделе кадров сказали: «Просись к Рябину», — я так обрадовался. Я о вас еще в школе читал. В технических журналах. Вы для меня знаменитостью были. Вроде летчика-испытателя или полярного капитана.

Рябинин *(неожиданно переменяя тему разговора)*. А приспособление ты правильное придумал. Зря не доделал. Двадцать пять мужиков, говоришь? Надо доделать! Возьмешь в библиотеке «Токарное дело». И учебник английского языка. Остальное — пороюсь у себя, найду. Пока тебе будут платить тридцать рублей как ученику, а потом...

Вадим. Тридцать рублей? Не-ет...

Рябинин. Все. Прощай!

Вадим. Постойте.

Рябинин. Пока, пока... Работай на складе. До самой пенсии. И в институт не надо. Инженерам много меньше платят. Прощай!

Затемнение. И снова комната Марины Ивановны.

Инга. Ну а дальше, Вадим? Что дальше было?

Вадим. А что дальше! В понедельник, ровно в восемь, я вытирал ветошью масло со станины его станка. Я-то думал, он меня сразу к станку поставит, а тут такое началось! Формулы, тангенсы — котангенсы, допуски — посадки... И понял я, что с десятью классами своими слабоват! А Рябинин поддает жару! Статью из английского журнала притащил, переводить пришлось... Потом еще одну... А к станку все не ставит, только чищу да смазываю, смазываю да чищу, а у меня уже руки зудят! А Рябинин мне учебник по черчению в зубы... А по вечерам в Дом техники лекцию слушать... И понимаешь, интересно, черт возьми! Я так увлекся *(смеется)*, что только тетка меня в чувство смогла привести!

Инга. А-а, зарплата?

Вадим. Точно. *(Вздыхает.)* Проблема! Разбаловал ее большими получками. Пришлось по вечерам на складе... Ладно. Образуется. Чего-то я разоткровенничался? Хотел про Рябинина рассказать, а сам про себя...

Инга. Нет, нет! Вы про него и рассказали... *(После паузы.)* Теперь я понимаю... Такого человека можно... *(Быстро.)* Спасибо вам, Вадим, спасибо!

Вадим *(изумленно)*. За что?

Инга. Вадим! Приходите к нам, а?

Вадим. Когда?

Инга. Почаше.

Вадим. Спасибо, заболтался я, а меня Рябинин ждет. К нему сегодня друг приехал. Летчик. С севера. До свидания!

Комната Рябинина. Рябинин и Друг сидят за чаем.

Рябинин. Поговорим о севере.

Друг. О севере я все сказал. Работа.

Рябинин. Это мне давно ясно: у станка ли стоять, за штурвалом сидеть, или книги писать, все одно — работа!

Друг (*немного рисуясь*). Только на севере одного сердца маловато! Хорошо бы два, а еще лучше — четыре! А вообще-то север — сказка!.. Это я и сегодня скажу!

Рябинин. Школьная мечта, мы ее перерости не успели. Война! (*Волнуясь*.) Где же Вадька заблудился?

Друг. Споем? А? Хочешь твою любимую? Не побрезгуй простуженным северным басом. (*Поет*.)

Их ночью разбудил сигнал трубы тревожной.

— Мальчишек не берем! — отрезал военком.

Они в карман сухарь, последний, подорожный,

И к Пулковским горящим высотам прямым.

Рябинин (*подхватывает*).

У них был штык всего, граната и винтовка,

Но в сердце — Ленинград, и всех они сильней!

Был с Лиговки Сергей, а с Колпинской был Вовка,

А в Гавани простился с Мариною Андрей.

И встретились они с немецкою пехотой

И дрались до конца в далекий жаркий день...

Ребята, где-то там, на Пулковских высотах,

Над бруствером пылает тяжелая сирень...

Друг (*говорит громко, чуть свысока*). Полетим! И будешь ты на Диксоне сам себе хозяин. Рябинушка! Чтобы такой мужик пропадал, а? Да что это такое? Сколько можно шайбы точить?

Рябинин (*медленно*). Знаешь, Сергей. Не соблазняй. Вот в отпуск — еду. Я об этом заговорил только потому, что север — мечта моей юности. Три раза туда собирался. Неужели в четвертый?

Друг (*напевая*). «Три раза буря ломала парус, но он в четвертый его поднял...» Вот ты с одним учеником тут возишься, а у меня весь север учеников!

Рябинин. Откуда ты взял, что у меня один ученик? А Вадька мне больше чем ученик! Сына бы такого!..

Друг. Ты знаешь! Я не чуял никакой старости! Сорок лет — ерунда. Но взял себе на горе вторым пилотом мальчишку! Характер! Летай сорок часов в сутки, еще запросит! Все, что за душой имеешь, ему выложи! Маловато мы знаем, что ли? А?..

Рябинин (*после паузы*). Да. Может, поэтому иногда и бегут они от нас. Больших нагрузок требуют. Вот я Вадьку гоню из учеников: больше меня знает! А он не идет. Еще чего-то выведать хочет. Его уже тетка из дома выпирает. Денег-то он в учениках...

Друг (*ласково*). Мой-то на севере хозяином будет! Но я-то, я! (*Доверительно.*) Стараюсь за ним тянуться. Прилетели на Диксон, на танцы с ним пошел... Умора!

Рябинин (*смеется*). На танцы! Ты!

Друг. Станешь и ты полярным волком, влюбится в тебя прекрасная женщина... Я ведь там слово дал, что привезу мастера — получше самого Левши... А может, тебя женщина держит? Эта... Катя.

Рябинин. Она видела меня Папаниным. А когда... Ну, а теперь у нее муж — профессор. Дочь... Несколько дней назад дочь приезжала из Ташкента. Случайно встретила с Вадькой... Узнала, что я токарь. Разочаровалась, видно. (*Смеется.*) Искала главного инженера Рябина.

Друг. Ну, вот видишь... Не отпущу тебя с севера!

Рябинин. А почему ты не спрашиваешь о Марине? Ты был влюблен в нее тогда. А она любила меня... Понимаешь, Марина мне очень дорога. Очень. Ночью, когда мы ушли на фронт, она пришла ко мне... разбудить... Она сказала, что никуда не уедет из Ленинграда, раз я иду на фронт. А я был влюблен в Катю, и мне было все равно, что будет делать Марина...

Друг. И она?

Рябинин. Она осталась в Ленинграде. Пошла в госпиталь нянечкой. На крышах дежурила... С голода умирала и... всегда находила меня... Я получал ее письма до самого 9 мая...

Друг. Ты ей отвечал?

Рябинин. Я писал... Через нее я посылал письма Кате.

Друг. Идиот! Мальчишка!

Рябинин. В сорок пятом она искала меня на севере, а я был в Ленинграде...

Друг. И ты не нашел времени, чтобы увидеть ее?

Рябинин. Приехала Катя. Я поехал с ней в Ташкент.

Друг. Я знаю. Но что у тебя тогда произошло с ней?

Затемнение.

Быстрый перестук колес. Долгий визгливый гудок паровоза. Голос Кати и Андрея, потом еще голос.

Катя. Андрей!

Рябинин. Да, Катя?

Катя. Ты молчишь и молчишь. Я знаю, о ком ты думаешь, о Марине...

Рябинин. Куда мы едем? Как это я согласился...

Катя. В Ташкент. Ты же знаешь! А там посмотрим... Какой ты стал! Кожа да кости. Угрюмый, задерганный. Я боюсь за тебя.

Рябинин. Что теперь со мной делается! Война кончилась! А почему мы не могли в Ленинграде...

Катя. Опять! В Ленинграде! В разбитом доме, в ужасном подвале... У папы там виноградник...

Рябинин. Я же за Ленинград воевал! А теперь, когда его надо восстанавливать...

Катя. Ну и что? Ты должен учиться.

Рябинин. Я чувствую себя дезертиром.

Катя. Тебе надо отдохнуть, прийти в себя. В любое время можно думать о себе.

Рябинин. Ты видела Ленинград? Всюду требуются рабочие!..

Голос солдата. А нельзя ли мне к вам в уголок? Я человек веселый, не пожалеете!

Рябинин. Подвинемся. Садись, садись! Покурим.

Солдат. А ты тоже воевал? Молодой больно. Сыном полка был, да?

Рябинин (*резко*). Воевал не хуже других. Всю войну!

Солдат. Ну-ну, вижу, вижу... Вы, значит, на теплые места! Я тоже. Четыре года отвоевал и еще сто двадцать ден. Да... приезжаю к себе в деревню. Из-под Пскова мы. А мне Сидоров говорит: глину копать пойдешь! А я ему шиш под нос! Я четыре года и сто двадцать ден. Он меня на жалость: мол, вся деревня сгорела, глину не хочешь, иди в лес, избы строить надо. А я ему снова шиш. Я четыре года и сто двадцать ден...

Катя. Зачем вы нам это? Останавливаемся. Что за станция?

Солдат. Тогда Сидоров говорит: становись бригади-

ром, леший с тобой! А я ему: а платить чем будешь?.. Своими портками? А Сидоров мне...

Рябинин. Дурак твой Сидоров!

Катя. Андрей, помолчи. Какое нам дело!

Солдат (*ухмыляясь*). Это ты точно! Будто мы сами не сообразим, где теплее, верно, сын полка?

Рябинин. Сволочь.

Солдат. Ах ты щенок... Пусти! Ты что вцепился?

Катя. Андрей!

Рябинин. Вот тебе за Сидорова, за деревню...

Солдат. Пусти, говорю! Аг-а... Ах!

Катя. Андрей! Отпусти его!

Рябинин (*задыхаясь*). Вот тебе теплые края. Бежишь, да? Беги, беги... Шкура! Ладно. А теперь давай сходи, Катя, пока поезд стоит. Ну! Скорей!

Катя. Что, что скорей, не понимаю?

Рябинин. Назад нам надо, Катюша, в Ленинград. Понимаешь, да? Главное — быть вместе, верно?

Катя. В Ленинград? (*Холодно.*) Я с ума не сошла, что мне делать сейчас в Ленинграде?..

Рябинин. И ты такая?..

Раздается гудок паровоза.

(*На ходу.*) Пошли, Катя! Катюша, сходи! Ка-тя-я! Ну, скорей!..

Катя. Прощай. Не могу... Я с ума не сошла! Не могу!
Свет.

Друг. А потом что? Работал — это я знаю. А Мари-на?

Рябинин. Она трудно жила. Работала, училась. Мать у нее ослепла после блокады... После института работала в школе... Русский язык — ее страсть, ее север, ее небо... Сейчас готовит докторскую.

Друг (*с усмешкой*). А муж ее, кто он?

Рябинин. С мужем разошлась...

Друг. Ты виноват?

Рябинин. Наверное... (*Тихо.*) Да. Всю жизнь, понимаешь?

Друг. А ты?

Рябинин. Три года назад я встретил чудесную женщину. Умная, хорошая. Хотела со мной на север, но я всегда, всегда сравнивал ее с Мариной... Все понимаю, знаю, что единственно, кто мне нужен... А не могу... Слишком много принес ей горя...

Друг. Седая твоя башка!

Рябинин (*неуверенно*). Полечу я в Арктику...

Друг. Никуда ты не поедешь. Сейчас мы пойдем к Марине...

Рябинин. Нет, не могу. Еду с тобой... Надо же мне куда-то ехать в отпуск... Поеду подальше.

Друг. Но ты ей позвонишь. Ты слышишь!

Комната Марины Ивановны. Инга и Марина Ивановна.

Марина Ивановна (*плачет*). Инга, замолчи!

Инга. Мамочка! Мамочка моя, не плачь и беги к нему! Что ты делаешь?.. Почему женщина не может сказать: «Я хочу, чтоб меня любили. Мне нужна твоя любовь!» Мама! Делай что-нибудь! Рябинин — человек! Он все поймет! Если бы он строил города, это были бы лучшие города в мире, если бы он пахал землю или строил дороги... Что бы ни делал, все было бы прекрасно.

Марина Ивановна. Инга! Неужели это ты?.. Я не заметила, как ты выросла.

Инга. Мама! Я никогда не думала, что ты у меня такая! Не плачь... Знаешь, я раньше думала, что ты неудачница... Поэтому всегда старалась спорить с тобой. Прости! Какая ты красивая, мама! Какая умная, смелая! Слышишь!

Марина Ивановна. Ладно, ладно.

Инга. Мама.

Марина Ивановна. Да?..

Инга. Этой Вадим... Знаешь, он мне нравится.

Марина Ивановна (*серьезно*). Он мне тоже сразу понравился.

Инга. Мама. Я сегодня поздно приду. Мы в театр идем. С Вадимом. (*Уходит.*)

Тут же... Поздний час. Звонит телефон. Быстрое шарканье ночных туфель...

Марина Ивановна. Алло... Алло... Инга, это ты? Нажми кнопку! Алло, алло...

Рябинин (*очень тихо*). Марина...

Марина Ивановна. Да?.. (*Пауза.*) Это я...

Рябинин. Марина...

Марина Ивановна (*очень тихо, испуганно*). Рябинин?!

Рябинин. Разбудил?

Марина Ивановна. Инги еще нет. Я не сплю.

Рябинин. Марина, дождь идет...

Марина Ивановна. А почему ты так тихо? Да, идет дождь...

Рябинин. Я боюсь разбудить друга. Мы завтра летим на север! Мне не уснуть.

Марина Ивановна. Когда-то ты спал крепко! Помнишь, перед побегом на фронт...

Рябинин. Да, да... Тогда мы жили в одном доме... Если бы сейчас... Я бы по трубе... Подумаешь, два этажа подняться! Ты почему молчишь? Не хочешь говорить?

Марина Ивановна. Вспоминаю... А ты говори, говори...

Рябинин. Что скажешь по телефону, да еще шепотом... А давай, будто я к тебе на подоконник залез... Ветер шумит... Дождь...

Марина Ивановна (*смеется*). Высоко же! На подоконник!

Рябинин. Ничего!

Марина Ивановна. Выдумщик. (*Смеется*.) Смотри не сорвись!

Рябинин (*серьезно*). Марина! Прости меня.

Марина Ивановна. Не надо! Что ты? Нет, нет!.. Это ты прости! Я знаю, все из-за меня... Я должна была ждать тогда.

Рябинин. Не надо. Тогда я был дураком. Настоящим дураком!

Марина Ивановна. Значит, летишь на север? Это все же прекрасно!

Рябинин (*решительно*). Нет! Это смешная детская мечта... Все мое — здесь! Я в отпуск.

Марина Ивановна. Лети!

Рябинин. Хорошо, я полечу... Но ты меня проводишь? Пусть меня в первый раз проводит женщина... Почему мне никто не кричит: «Возвращайся скорее!» Что-то не так в моей жизни, Марина...

Марина Ивановна. Я провожу.

Рябинин. И крикнешь: «Возвращайся»?

Марина Ивановна. Не знаю... Нет...

Рябинин. Нет?

Марина Ивановна. Почему ты не позвонил десять лет назад? Почему?

Рябинин. Я... Я... Не знаю... понимаешь?..

Марина Ивановна. Пусть ты ошибся тогда, мальчишкой, но в тридцать пять лет ты мог...

Рябинин (*очень волнуясь*). Марина, Инге было де-

сять лет... Она все понимала... Да, я ошибся. Но почему должны были страдать твои дочь, муж?..

Марина Ивановна. А теперь даже Инга советует мне пойти к тебе. Но поздно! Да. Я люблю тебя... Но что тебе от моей любви теперь?.. Но все же скажи... Это надо услышать самой. Ты любишь меня?

Рябинин. Люблю. Люблю. Ты не провожай. Лучше встреть. Встретишь? *(С силой.)* Я прилечу, и ты встретишь!

Марина Ивановна. Зачем, зачем?

Рябинин. Ты встретишь.

Марина Ивановна. Дождь перестал. *(Кладет трубку.)*

Вижу, вижу я по очам: плачет женщина по ночам.

Не от прошлой судьбы скупой, а от поздней
любви слепой...

Где-то у Инги эти стихи переписаны. Как там дальше? Как же дальше, а?

Шум аэропорта: гул турбин и моторов, голос диктора: «Рейс номер 16 совершил посадку... Прибыл самолет из Мурманска...»

Марина Ивановна. Товарищ диспетчер, а самолет из Архангельска?

Диспетчер. Из Архангельска? Совершил посадку. Идите встречать, гражданочка!

Шум толпы.

Марина Ивановна. Народу сколько!.. Где же Андрей?.. Неужели вот тот высокий с бородой?.. Он!.. Как я смешна, наверное, со своими гвоздиками... *(Подражая диспетчеру.)* Гражданин Рябинин, просим подойти...

Рябинин. Ну, здравствуй! Какая ты...

Марина Ивановна. Какая? Смешная?

Рябинин. Я хотел сказать — тихая. Ты не думай, бороду я сбрею. Это, как говорит мой друг, все салажата первым делом отращивают бороды. И я не удержался. Я сбрею.

Марина Ивановна. Сбрей. *(Ревниво.)* Слишком красив! Ну, вот я и встретила... А ты, кажется, не удивлен... Что-то ты чересчур уверен...

Рябинин. Конечно, уверен! *(Смеется.)* Да где же это видано, чтобы настоящих мужчин не встречали! *(Помолчав.)* А если вправду, то летел и думал: встретит или нет, встретит или нет?.. В Нарьян-Маре еще думал — не встретит. В Архангельске...

Марина Ивановна (*не слушая*). Какой молодой... Нет, конечно, нет!

Рябинин. В Архангельске подумал: если не встретит, сам пойду!

Марина Ивановна. Шумный, красивый!!! И даже чуть-чуть хвастун. Неужели я забыла, какой ты?

Рябинин. Это все север, Марина! (*Смеется.*) Ты понимаешь? Сколько во мне сейчас... (*Проникновенно.*) Это не хвастовство, пойми! Ощущение силы — это... это возвращение молодости!

Марина Ивановна. Тебе там так понравилось?

Рябинин. Да! Да! Я летал с другом, помогал расчищать поселок от снега, поработал в ремонтной мастерской, слушал по радио наш Ленинград...

Марина Ивановна. Я еще утром думала, что ты останешься. Ты вернулся к самому себе?!

Рябинин. Да, к своему станку. К любимому делу... Если хочешь знать, чертовски там трудно, на севере. Какие там люди! Как тут Вадька без меня справляется?

Марина Ивановна (*нерешительно*). Я хотела поговориться, Инга и Вадим весь этот месяц встречались...

Рябинин (*не слушая*). Вадька талант! Но хватит говорить на улице. Едем ко мне. Шампанское купим по дороге.

Марина Ивановна. Но Инга и Вадька...

Рябинин. Потом, потом... У нас еще столько времени впереди! Милая моя девочка со школьной скамеечки. Признайся (*смеется*), кого ты любила в школе: конопатого Вальку Кокорина — ябеду с первой парты — или меня?

Марина Ивановна. Конечно, рыжего ябеду!

Рябинин. Еще бы! Поехали, поехали! Я тебе расскажу про север, про медведей и про сияние... Ты не хочешь ехать?

Марина Ивановна. Андрей! Я давно не девочка со школьной скамеечки!

Рябинин. И я! Мы квиты!

Марина Ивановна. Я не о том. Женщина моих лет... Как сказала бы Инга, говори, мама, напрямик! Женщины моих лет пронизательны. Я боюсь, что начну тебя ревновать... Одно не так сказанное слово, не такой взгляд... В этом возрасте любовь очень зорка, пристрастна!

Рябинин (*смеется*). Не пугай!

Марина Ивановна. Но главное... Я боюсь за Ингу.

Рябинин. Что?

Марина Ивановна. Я тебе несколько раз пыталась... Андрей, Инга и Вадим поссорились.

Рябинин. Инга и Вадим? Ну и что?

Марина Ивановна. За месяц они так подружились... Кажется, полюбили... и вот.

Рябинин. Ерунда, ошибка.

Марина Ивановна. Ошибка — не ерунда, Андрей! Из-за ошибки иногда ломается вся жизнь!

Рябинин. Прости. Но что делать? Тут я ему не учитель!

Марина Ивановна. Отходишь в сторону?

Рябинин (*смущенно*). Какой я тут учитель? Она может выскочить замуж за другого, а он... Нет, нельзя! Что делать, Марина? Вот черт, и тут надо за них думать...

Конец